

А. А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: badmaeva@ngs.ru

**ДАРООБМЕН
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ
ЗАБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ***

Дарообмен в традиционной культуре бурят представляет малоисследованную тему в отечественной этнографии. На основе опубликованных и неопубликованных источников автор пытается охарактеризовать традиции дарообмена в социально-политических практиках бурят во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Анализ привлеченных для исследования материалов свидетельствует об определенной дифференциации дарообменных отношений, с одной стороны, между различными социальными группами бурятского общества, с другой – между бурятской управленческой элитой и русскими чиновниками. В рассматриваемое время происходит некоторая трансформация прописанных в статьях обычного права правил дарообмена в сторону ужесточения требований к их соблюдению, как рядовыми бурятами, так и представителями родовой аристократии. Отмечается перенос негласных правил дарообмена, действовавших внутри бурятского общества, на взаимоотношения бурят с иноэтничным (прежде всего русским) населением. Дарообменные связи, возникавшие между бурятскими родоначальниками и чиновниками разных уровней Иркутской губернии, развивались в контексте исполнения первыми функций проводников политики седентаризации в бурятской среде. Кроме того, в этих отношениях возобладали благодаря нечистому на руку русскому чиновничеству коррупция, мздоимство и приписки. Под видом проверок бурятских ведомств или награждения отличившихся родоначальников, представителями губернской и уездной администраций принимались от последних значительные подарки в различной форме.

Ключевые слова: Забайкалье, буряты, дарообмен, социально-политические практики.

Традиционная культура бурят была пронизана различными дарообменными связями, они существовали в гостевом этикете, в праздничной, родильной, свадебной и похоронной обрядности, в ритуалах поклонения духам-покровителям и т. д. В современности дарообменные отношения у бурят в не-

сколько измененном виде сохраняются, а в определенных случаях даже актуализируются.

История этнографического изучения бурят такова, что хотя в разных трудах по духовной и соционормативной сферам культуры этноса приводятся примеры даро-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Направление 3. Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре. Проект «Традиции дарообмена в истории и культуре народов Сибири XVII–XXI вв.»; Министерства образования и науки РФ (НИР 6.2069.2011 «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности по археологии и этнографии Северной Азии в рамках совместного Научно-образовательного центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН».

обменных актов, но до настоящего времени теме дарообмена не было посвящено ни одного специального исследования.

Целью данной работы является характеристика традиций дарообмена в социально-политических практиках бурят Забайкалья

второй половины XVIII – первой половины XIX в. Для раскрытия темы нами привлечены ранее опубликованные и неопубликованные источники изучаемого времени.

Согласно традициям бурят, дарообмен требует взаимного уважения вступающих в него сторон. Принимая чей-либо подарок, непременно нужно было сделать равноценный принятому дар. Это было негласно установлено и распространялось на всех, включая сторонних людей. Об этом со знанием дела упоминает известный лингвист, профессор Казанского университета О. М. Ковалевский. Оказавшийся среди забайкальских бурят во время праздника Белого месяца, он уловил саму суть дарообмена: «Почти на каждом шагу я встречал блуждающих рыцарей, которые тотчас вскакивали с лошади и снявши шапку, при длинных приветствиях подавали мне аршинные хадаки (*хадаг* ‘сложенное вдвое шелковое полотенце, подносившееся в виде приветственного дара почетным гостям’ [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 529]). В степях должно платить степною монетою: *за хадак хадаком, за приветствие приветствием, без малейшей прибавки и без малейшей потери* (курсив наш. – А. Б.)» [Ковалевский, 1833. С. 702]. Таковы были известные не только у бурят, но и у других народов Центральной Азии и Южной Сибири вековые традиции дарообмена.

Однако в рассматриваемое время участились случаи нарушения данных традиций, причем как родоначальниками, сайтами, так и простыми бурятами. На это указывает, в частности, появление в Уложении 1808 г. хоринских бурят соответствующих статей (§ 123 и 124), согласно которым нарушители таких правил призывались к ответу. Если это был представитель родовой аристократии, он возвращал полученный подарок и вносил штраф в пользу общества. С рядовыми бурятами особенно не церемонились – их сначала наказывали розгами, а потом заставляли вернуть дарившему подарок [Обычное право..., 1992. С. 44]. В Уложении 1851 г. уже нет дифференциации нака-

зания для представителей разных социальных групп, но в его статьях сделан акцент на принципиальной невозможности возврата подаренного [Там же. С. 104]. Правда, степные законы, несколько противореча первоначальной установке, предлагали также более гибкий способ решения конфликтов, возникавших на почве дарообмена; так, § 177 «Уложения» гласит: «Если кто подарит другому вещь, а впоследствии захочет вернуть, то может взять *без приращения и по взаимному согласию* (курсив наш. – А. Б.). Если не договорятся, то не подлежит рассмотрению по закону» [Там же. С. 106].

Кроме того, отдельно (§ 157 «Уложения») обговаривался запрет на участвовавшие попытки бурят-мирян требовать обратно вещи, подаренные ими буддийским монахам-ламам за чтение молитв и лечение больных [Там же. С. 104]. Вероятно, такие прецеденты были связаны с ростом недовольства среди обманутых в чудодейственности применяемых ламами обрядовых и лечебных практик. Зачастую виновниками подобного негатива выступали сами служители буддийского учения; согласно М. Тараринову, автору второй половины XVIII в., они не всегда отличались своей нравственной чистоплотностью: «...ламы великие обманщики не то чиб братских (бурят. – А. Б.) и русских много лечат и обманывать, накладывая обеты у кого узнают что хорошаго в доме голь (магнут или мишурная парча) и протчее велят отбросить в лесу, и притом толкуют что та вещь не щастлива, где со временем сами ж берут, а травами китайскими лекарствами мало лечат, а более молитвами и данным на китайской бумашке написанном рецептом, которой велят проглотить и запивать чаем. А хотя и китайскими лекарствами лечат, токмо за то требуют болшую плату»¹.

Во взаимоотношениях родоначальников и рядовой массы бурят случалось использование дарообмена в корыстных целях с применением права сильного. Дело в том, что в первой половине XIX в. одним из источников легального дохода для бурят служила приграничная торговля, в ходе которой выменивались или продавались монголам и китайцам изделия бурятского хозяйства (кожи, скот, пушнина и т. д.). При

¹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 6 – 6 об.

этом представители управляющей верхушки (сайты) превратились в главных посредников в торговых операциях; перекупая у китайских купцов в Маймайчене ходовые виды ткани и некоторые другие вещи, имеющие спрос у бурят, они перепродавали их в улусах, при этом нередко такая торговля облекалась в форму дарения. Подчиненным товар давали как подарок, но в качестве отдарка с них уже требовали деньги. Раскусив невыгодность такого обмена, простые араты старались избегать встреч с навязчивыми степными начальниками. Как описывает Н. С. Шукин, при виде нагруженной поклажей лошади местного старейшины – *дарги* буряты прятались в укромных местах подалеже от юрты. Не застав хозяев, *дарга*, тем не менее, просовывал привезенный товар в жилище, а позднее требовал двойную цену за него [1849. С. 77].

Любопытно, что схожая форма мелочной торговли, эксплуатировавшая традиции дарообмена, позднее была отмечена А. В. Адриановым в практике китайских торговцев, небезуспешно применяемой ими в отношении тувинцев: «Эти китайцы настоящая язва; приезжая к сойотам, они всегда привозят с собой товары: чай, шелковые материи, серебряные вещицы, трубки, табакерки и т. п. и имеют обыкновение этот товар раздаривать с тем, чтобы их взаимно отдалили, причем отдарок назначают сами и получают за трубку, стоящую полтора рубля, быка в 30 рублей и т. д.» [1888. С. 372–373].

В исследуемое время дарообменные отношения складывались и развивались между бурятами и представителями других народов Байкальского региона, прежде всего русскими.

До второй половины XVIII в. дарообмен между бурятами и русскими служилыми людьми зачастую носил неравноценный характер. Согласно М. Татаринovu, «канцелярские служители, дворяне, дети боярские, казаки», зная традиционный бурятский этикет, приезжали к состоятельным бурятам и в качестве подарка преподносили хозяевам недорогие продукты (китайский табак и кирпичный чай), стоимостью не более двух рублей, получая взамен лучших лошадей ценою по 10–15 руб.² Здесь необходимо сказать, что до 30-х гг. XX в. традиция дарить понравившемуся гостю коня была до-

вольно распространена у бурят – кочевых скотоводов. Но в упомянутый выше период очевидны были попытки со стороны русских служилых людей использовать эту традицию для собственной выгоды. После буряты стали сдержаннее относиться к заезжавшим в гости русским и старались заводить среди них только полезные знакомства для решения своих дел. Завязавшиеся приятельские отношения обычно не заканчивались обильным угощением, состоятельные буряты подкрепляли их богатыми дарами (ездовыми лошадьми, дорогими мехами и др.), которые в будущем требовали отдарка от принявшего их не только в виде теплого приема у себя дома, но и выполнения определенной услуги.

На уровне рядовых бурят дарообменные отношения с русскими (казаками и крестьянами-старожилами) возникали, когда устанавливались прочные дружественные связи, при этом размеры подарка и отдарка были соизмеримы. В первой половине XIX в. у забайкальских бурят и русских было распространенным преподношение гостю куска кирпичного чая или небольшого отреза ткани (вещей, имевших практическое назначение и служивших неким эквивалентом денег), которые, например, в советское время были заменены на коробку рассыпного чая, денежную купюру небольшого достоинства (как вариант, металлическую монету в один рубль), опять-таки отрез ткани или женский головной платок (в случае, если гостьей была женщина). Русские учитывали, что для бурят печеный хлеб представляет лакомство, поэтому привозили с собой кусок хлеба, который хозяева тщательно делили между детьми [Ковалевский, 1833. С. 586]. Буряты, в свою очередь, давали гостю в дорогу отварную баранину и сосуд с молочной водкой. Как видим, происходила проекция действовавших в бурятском социуме традиций гостеприимства и дарообмена на представителей других этнических культур; осуществлялся равнозначный обмен вещами, пищевыми продуктами, позднее и деньгами.

В то же время, принимая у себя чиновников или офицеров, как, впрочем, и начальствующих лиц из числа родовой аристократии, простые буряты старались соблюсти такое правило дарообмена, как преподнесение дара соответственно социальному статусу гостя.

К 30-м гг. XVIII в. взаимоотношения между русской администрацией и бурятскими

² РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 23 об.

этническими сообществами упорядочиваются, чему способствовали как внешние, так и внутренние факторы. Укрепление позиции России в Забайкалье в результате подписания Кяхтинского мирного договора 1727 г., остановившего набеги халха-монгольских феодалов на Восточное Присаянье и Забайкалье, позволило выстроить новый формат отношений власти и бурятского социума. Административные преобразования, проводившиеся в Сибири, привели к ослаблению прежней племенной организации у объединившихся в бурятский народ этнических компонентов и постепенной замене ее на объединение бурят по территориальному принципу, тем самым дав толчок к появлению различных этнотерриториальных и этнолокальных групп. Определенное значение для складывания таких территориальных объединений бурят имели созданные начиная с 40-х гг. XVIII в. степные конторы во главе с руководящими шуленгами и тайшами, и подчиненные им низовые органы – мирские избы, существовавшие при каждом родовом образовании. Сбор ясака и управление территориальными сообществами российских бурят и монголов теперь осуществлялись через созданные инородческие конторы, во главе которых находились полностью подконтрольные власти тайши и шуленги. Закрепление царскими грамотами прав на владение коренными землями, предоставленные отдельным этническим подразделениям бурят (хори-бурятам и др.), имело целью не только защитить бурят от самозахватов их земель русскими, но и усиливать влияние государства в их среде.

Должность главы ведомства до реформы 1822 г. была наследственной, позднее она становится выборной. Надо заметить, что требования со стороны русских властей к тайшам и шуленгам со временем все более возрастали. При утверждении в качестве тайши (ранее это касалось также должности главного шуленги у некоторых групп предбайкальских бурят), кандидат брал на себя обязательства проводника политики седентаризации. В особенности расширился круг налагаемых на него требований в первой половине XIX в. Так, родоначальник был обязан распространять во вверенном ему ведомстве пашенное земледелие, картофелеводство, луговое хозяйство, опыт домостроительства, приучать население к заведению скотных дворов и других хозяйственных построек, огораживанию сенокосов общественными покотинами и т. д.

Бурятские родоначальники, являясь подотчетными лицами для губернской и уездной администрации, были вынуждены вступать в коррупционные связи с проверяющими их чиновниками. Например, вменяемые им в обязанность строительство и содержание экономических сельских магазинов, а вместе с этим ответственность за наполнение и распределение хранящегося в амбарах магазинов зерна создавали для нечистоплотных губернских и уездных чиновников широкое поле для мздоимства, облакаемого в форму дарения. Чтобы расположить проверяющего и закрыть недостачу хлебных запасов, устраивались гостевые угощения и под видом подарков передавали ему крупные суммы денег, ездовых лошадей и другие предметы. На этом поприще, например, отличился заседатель Верхнеудинского земского суда Решетников, получивший за две инспекционные поездки в 1817 г. от главного тайши агинских бурят Галсанай в общей сложности 6 тыс. руб., 5 лошадей и овчинную шубу [Бурятские летописи, 1995. С. 24–25].

Практика различных вознаграждений (награждения орденами и медалями, именным холодным оружием, денежными подарками и др.) и получения особо отличившимися титулов российского дворянства и гражданских чинов применялась по отношению к представителям управляющей элиты бурят. Казалось бы, обычная в Российской империи система поощрения, нацеленная на укрепление верноподданнических чувств у награждаемых, у бурят порой переходила в плоскость дарообменных отношений. Небезызвестный верхнеудинский земский исправник М. Геденштром, приехав передать пожалованную главному тайше Намжил Мохыну золотую медаль, вернулся обратно, получив от него в подарок 4 тыс. руб. и 6 тыс. пудов зерна [Там же], которые позднее им были пущены с выгодой для себя в продажу.

Говоря о М. Геденштроне, нужно сказать, что он стал одним из главных фигурантов разоблачений, сделанных комиссией М. М. Сперанского. Как выяснилось, он любил принимать в подарок главным образом деньги – ежегодно одни только хоринские буряты жертвовали в его пользу почти 50 тыс. руб. ассигнациями³. В целом, размах вскрытых в 1819–1820 гг. должностных преступлений в Сибири был таков, что под

³ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 397. Л. 4.

судом оказалось около 600 чиновников, включая самого иркутского губернатора Н. И. Трескина. Страдали от коррупции, в конечном счете, карманы не инородческих начальников, а их подчиненных – простых бурят, с которых взимались так называемые темные поборы. Принятие Устава 1822 г., одним из положений которого было введение выборности глав инородческих ведомств, снизило масштабы коррупции в Иркутской губернии и сократило вышеописанную практику одаривания чиновников со стороны бурятских родоначальников.

В свете всего вышесказанного можно заключить, что во второй половине XVIII – первой половине XIX в. на фоне естественного развития дарообменных отношений как в самом забайкальско-бурятском обществе, так и между бурятами и русскими субрегиона, имели место негативные процессы в социально-политических практиках бурят, во многом обусловленные стремлением степной аристократии продвигать свои меркантильные интересы во взаимоотношениях с властью (губернской и уездной) и народом, прикрываясь традициями дарообмена.

Список литературы

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны // Зап. ИРГО по общей географии. СПб., 1888. Т. 11. С. 146–444.

Бурятские летописи. Улан-Удэ: Изд-во БИОН СО РАН, 1995. 198 с.

Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 804 с.

Ковалевский О. М. Пребывание у бурят. Из писем г. Ковалевского // Молва. 1833. № 147. С. 585–588; № 153. С. 700–702.

Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск: Наука, 1992. 312 с.

Шукин Н. С. Земледелие в Даурии // Журнал Министерства внутренних дел. 1849. Ч. 26, № 4. С. 69–103.

Список источников

РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурмана ранга капитана Михаилом Татариновым. 31 л.

ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 397. Выписка из архива Департамента полиции (М. М. Сперанский и статсекретарь А. Н. Куломзин о бурятах). 1904 г. 19 л.

Материал поступил в редколлегию 13.05.2013

A. A. Badmaev

GIFT-EXCHANGE IN THE SOCIO-POLITICAL PRACTICES OF THE TRANS-BAIKAL BURYATS IN THE SECOND HALF OF THE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Gift-exchange in the traditional culture of Buryats is less investigated the topic in Russian Ethnography. In this article the author on the basis of published and unpublished sources of trying to describe the traditions of gift-exchange in the socio-political practices of the Buryats in the period of the second half of the XVIII – first half of XIX century. Analysis of attracted for materials research testifies to a certain differentiation gift-exchangeable relations, on the one hand, between different social groups of the Buryat society, on the other, between the Buryat administrative elite and Russian officials. At the material time there is some transformation prescribed in the articles of customary law rules of gift-exchange in the direction of tightening the requirements for compliance with them as ordinary Buryats, as well as representatives of the clan aristocracy. Noted the transfer of tacit rules of gift-exchange, acting within the Buryat society, and on the relationships of the Buryat people with other ethnic (primarily Russian) population. Gift-exchangeable communication that occurred between the Buryat the founders and officials of different levels of Irkutsk province, developed in the context of the execution of the first functions guides the policy transfer in the pale of settlement in the Buryat environment. In addition, in these relations prevailed due to the unclean on the hand of the Russian bureaucracy, corruption, bribery and falsification. Under the guise of audits of the Buryat agencies or of awarding the distinguished founders, representatives of the provincial and County administrations were taken from the last significant gifts in a different form.

Keywords: Transbaikalia, the buryats, gift-exchange, socio-political practices.